

сравнительно легкой и простой. За все время боя не произошло ни одного серьезного случая, который потребовал бы вмешательства нашей роты, патрулировавшей на этом участке.

Не обошлось, правда, без комического эпизода. В ночной темноте один из патрулей остановил генерала. Тот назвал свою фамилию и должность: А. И. Черепанов, командующий армией. Объяснения не рассеяли подозрений. Старший патрульный недоверчиво проворчал: «Знаем, много вас тут около кухонь шатается».

Я не присутствовал при этой сцене. Но по рассказам очевидцев, эпизод произвел хорошее впечатление на генерала. По нутру пришлась ему проявленная бойцами бдительность. А герой эпизода, впоследствии показавший себя храбрым и расторопным командиром отделения, был, разумеется, весьма обескуражен, когда выяснилось, какую «подозрительную личность» он задержал.

Как только командованию стали известны результаты боя за Белоостров, весь ударный батальон вызвали к месту расположения нашей роты.

Командование приказало нашему ударному батальону ликвидировать вражеский дот, который вклинился в новую линию обороны после освобождения Белоострова.

Выдвинувшись на исходный рубеж, батальон готовился к атаке. Мы залегли в небольших, наспех отрытых окопчиках и ждали сигнала. Впереди нашей роты находилась деревня, наполовину разрушенная снарядами. Уцелевшие строения были подожжены и горели всю ночь. Со стороны деревни по нашим позициям редкими очередями били пулеметы.

Под вечер появилось несколько наших самолетов-штурмовиков. Они прочесали передний край обороны противника пулеметными очередями. Выстрелы со стороны деревни умолкли. Но когда батальон поднялся в атаку, вражеский дот опять открыл шквальный пулеметный огонь. Тем не менее батальон занял деревню. Противник отошел, не приняв штыкового удара. Во время атаки комиссар И. П. Лобачик, как я потом узнал, находился в той роте, которая наступала в очень тяжелых условиях.

Перед рассветом рота, в которую входил мой взвод, по приказу отошла на исходный рубеж. Это решение продиктовала обстановка: вражеский дот все еще не был уничтожен и, пока мы находились в деревне, мог легко обстреливать нас с фланга. А на прежних позициях мы были прикрыты от огня и могли перегруппироваться для повторной атаки.

Весь день 22 сентября наша рота провела в окопчиках на позициях, занятых еще перед первой атакой. Утро прошло сравнительно спокойно. Немного передохнув, привели себя в порядок, подсчитали потери, которые оказались не очень большими. Но днем противник подтянул минометные батареи и начал обстрел нашей позиции. Видно, понял замысел нашего командования и, обрушив на батальон шквал огня, пытался сорвать выполнение поставленной перед нами задачи. Вражескими пулями убило и ранило много бойцов и командиров.

К вечеру батальон приготовился к новой атаке. Командование решило на этот раз не распылять наличные силы, а, собрав их в единый кулак, бросить мощным тараном против вражеского дота. Батальон выдвинулся чуть правее напротив рощи, в районе которой находился дот. Перед рощей проходила шоссе́нная дорога, которую предстояло пересечь.

Противник заметил наше движение и перенес минометный огонь на новое расположение батальона. Сюда же били очередями пулеметы из дота, вели огонь финские стрелки, засевшие в роще на деревьях.

В этих условиях важно было сохранить боевой дух солдат, тот заряд бодрости и уверенности в своих силах, без которых трудно добиться успеха в бою.

Пока мы лежали под огнем, комиссар батальона И. П. Лобачик с исключительным хладнокровием отдавал распоряжения командирам подразделений и выжидал момент для атаки. В назначенное время он подал команду открыть ответный огонь, а затем поднял солдат и пошел впереди цепи.

Положение складывалось тяжелое. Наступление батальона под интенсивным огнем противника могло захлебнуться. Ведь многих из нас тогда еще нельзя было назвать бывалыми фронтовиками. Броситься вперед в таких условиях можно лишь за человеком исключитель-